

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УДК 340.15

И. Ю. Козлихин

КИТАЙСКАЯ ПРАВОВАЯ ТРАДИЦИЯ

В статье применяется метод исторического сравнительного анализа, показана эволюция китайской правовой традиции, сложившейся на основе конфуцианства и легизма. Отмечаются изменения в правосознании китайского общества в последние десятилетия, прежде всего в отношении к закону как регулятору общественных отношений, доказывается объективность этого процесса в связи с переходом к иному типу экономической системы. Библиогр. 15 назв.

Ключевые слова: закон, ритуал, конфуцианство, легизм, наказание, любовь, право, собственность.

I. Y. Kozlikhin

THE CHINESE LEGAL TRADITION

The author of the article applies the method of comparative historical analysis to trace the evolution of the Chinese legal tradition formed on the basis of Confucianism and Legalism. Changes in the legal awareness of the Chinese society that took place over recent decades, first and foremost as regards the law as the regulator of social relations, are discussed at length. We consider that the objective character of this change to be caused by the switch to a different type of economic system. Refs 15.

Keywords: law, ritual, Confucianism, Legalism, punishment, love, right, property.

За свою долгую историю китайская цивилизация переживала и взлеты, и падения, сохраняя при этом национальную идентичность, за одним, пожалуй, исключением — культурной революции времен председателя Мао. После его смерти традиционные ценности сразу дали о себе знать. Отношение к праву, правосознание в целом постепенно меняются с 1980-х гг.

Но начнем с начала. V–III вв. до н. э. — период Джаньго («борющихся царств», т. е. междоусобиц) и время становления двух основных философских школ: конфуцианства и легизма; именно в их русле были сформулированы принципы политической и правовой систем Китая на многие века вперед.

Игорь Юрьевич Козлихин — доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; theory@jurfak.spb.ru

Kozlikhin Igor Yu. — Doctor of Law Sciences, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; theory@jurfak.spb.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

Тогда в Поднебесной происходили сложные процессы рождения новой государственности. Китайская мысль была озабочена поиском идей, которые могли бы лечь в основу стабильного, упорядоченного общества и государства. Конфуций, самый известный в Европе китаец, предложил свой вариант — привлекательный, но практически трудно реализуемый. Он отталкивался в своих рассуждениях от особенностей жизнедеятельности больших китайских семей — патрионимий, которые в его времена являлись основной социально-политической и административной единицей. Конфуций полагал, что экстраполяция семейной морали на жизнь государства может привести его к процветанию, вернет добрые нравы и спокойствие в обществе. В семье у каждого своя роль: отца, сына, старшего и младшего братьев; старшие заботятся о младших, и все любят друг друга. В китайском обществе все перепуталось, люди стали играть не свои роли. Это является основной причиной разлада, рассуждал Конфуций. Значит, надо вернуться к правильному распределению ролей. Применительно к государству эта схема выглядит следующим образом: государь (всеобщий отец) — чиновники (старшие братья, они же благородные люди, цзюнь-цзы) — младшие братья (простолюдины, сяо-жень). Государь и благородные люди (чиновники) должны служить примером для народа. В своем поведении им следует руководствоваться традиционными нормами: ритуалом (ли), добродетелью (дэ), человеколюбием (жень), сыновней почтительностью (сяо), чувством долга (и). Кроме того, они должны стремиться к знаниям, почитать старших, быть преданными (по отношению к правителю) и т. д. Короче говоря, перед нами предстает некий идеальный чиновник — преданный сын и заботливый старший брат.

Ритуал (ли) противопоставляется закону (фа). Закон воспринимается как искусственно созданная принудительная норма, снабженная жесткой санкцией за ее нарушение. Вот некоторые максимы Конфуция о ли и фа: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок посредством наказаний, народ будет стремиться уклоняться от наказаний и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд и он исправится» [1, с. 143]. «Такой принцип, как “золотая середина”, представляет собой наивысший принцип» [1, с. 153]. «Не делай людям того, чего не желаешь себе, и тогда и в государстве, и в семье к тебе не будут чувствовать вражды» [1, с. 160]. «Зачем, управляя государством, убивать людей? Если вы будете стремиться к добру, то и народ будет добрым» [1, с. 161]. «Если личное поведение тех, кто стоит наверху, правильно, дела идут, хотя они и не отдают приказов. Если личное поведение тех, кто стоит наверху, неправильно, то, хотя приказывают, народ не повинуется» [1, с. 162]. «Если в верхах соблюдают ритуал, народом легко управлять» [1, с. 166]. «Можно ли всю жизнь руководствоваться одним словом? Учитель ответил: “Это слово — взаимность. Не делай другим того, чего не желаешь себе”» [1, с. 167]. «Приносить народу пользу исходя из того, что полезно для народа» [1, с. 174].

В жизни Конфуций не был столь прямолинейным моралистом. Будучи первым советником в одном из царств, он без колебаний приказал казнить некоего Шаочжэна Мао, видимо, за организацию заговора против власти. Он объяснил свое решение так: «Я скажу вам, что у людей может быть пять преступлений, не считая кражи и грабежа: первое — коварство в сердце; второе — невежливое поведение;

третье — лживая, но красноречивая речь; четвертое — запоминание и распространение дурных поступков; пятое — присоединение к неправым и желание показать себя блестящим. Кто совершит хотя бы одно из пяти преступлений, тому не уйти от наказания со стороны благородных людей. Но Шаочжэн Мао совершил все эти преступления. Он обычно собирал группу последователей; его речь прикрывала все зловердие; он обманывал людей. Он упорно протестовал против всего правильного, показывая свою самостоятельность. Это подлый человек, это наглый злодей. Как же можно его не казнить?» (цит. по: [2, с. 61]). Несмотря на то что Конфуций смешивает мораль и уголовное право, совершенно очевидно, что Шаочжэн Мао был приговорен к смерти за вполне реальные деяния. Но все же конфуцианская философия занималась прежде всего идеалом, рассуждала о том, что должно быть. Оппоненты конфуцианцев — легисты, напротив, рассуждали о сущем, о том, что есть.

Легисты-законники (фа цзя) стремились к тому же результату, что и конфуцианцы: созданию сильного, процветающего государства, но иными средствами. Шан Ян, основоположник легизма, предложил собственную политико-правовую теорию. Его взгляды принципиально отличались от идей Конфуция. Он считал глубоко ошибочным смешивать моральные и правовые нормы. «Если управлять людьми как добродетельными, они будут любить своих ближних; если же управлять людьми как порочными, они полюбят эти порядки... Поэтому-то и сказано: Если управлять людьми как добродетельными, то неизбежна смута и страна погибнет; если же управлять людьми как порочными, то всегда утверждается образцовый порядок и страна достигает могущества» [3, с. 214–215]. Мудрый правитель не опирается на примеры старины, ибо то, что подходило в прошлом, может не подходить сегодня; он не следует ли, а сам издает законы. «Поэтому мудрый творит законы, а глупый ограничен ими; одаренный изменяет ритуал, а никчемный связан ритуалом. С человеком, который связан ритуалом, не стоит говорить о делах; с человеком, который ограничен старыми законами, не стоит говорить о переменах» [3, с. 213]. При этом назначение закона и Конфуций, и Шан Ян понимают одинаково — наказание. Людям добродетельным закон не нужен, но чтобы управлять людьми недобродетельными, он нужен. Закон — карающий инструмент в руках государя, который правит, используя наказания и награды. Причем на девять наказаний приходится она награда.

Переходя к конкретной программе действий, Шан Ян предлагал следующее.

Для предотвращения беспорядков не следует проводить различия между мелкими и тяжкими преступлениями. Если за мелкие преступления следует такая же кара, что и за крупные, то крупным неоткуда будет взяться. Кроме этого, он против наследования должностей, назначение чиновников — прерогатива государя. Следующая мера — введение системы слежек и доносов как среди чиновников, так и среди народа.

Обширна была экономическая программа Шан Яна. Земледелие он считал основным занятием народа, поэтому предлагал ряд конкретных мер для повышения урожайности и предупреждения разорения земледельцев: провести подворную перепись; создать гибкую систему налогообложения; ввести государственную монополию на природные богатства; контролировать деятельность торговцев, которую он считал второстепенной по отношению к земледелию, вплоть до введения госу-

дарственного контроля за ценами и т. д. Все это должно было привести к усилению государства, причем за счет народа: «Когда народ сильнее своих властей государство слабое; когда власти сильнее своего народа, армия могущественна» [3, с. 214].

В отличие от Конфуция, Шан Яну удалось реализовать свою программу в царстве Цинь. В течение 356–350 гг. до н. э. он провел пять реформ. Их направленность очевидна: удар по родовой аристократии, установление контроля над чиновниками, создание условий для развития сельского хозяйства и усиления военного могущества царства Цинь. В руках Шан Яна сосредоточивалась реальная власть. Царство Цинь, ведя постоянные войны с соседями, расширяло сферу влияния и вскоре стало одним из наиболее могущественных государств, а через сто лет Цинь становится империей во главе с поклонником легизма Цинь Шихуанди.

Ин Чжэн, будущий император Цинь Шихуанди (Первый верховный государь царства Цинь), вззошел на престол в 246 г. до н. э., когда ему было всего 13 лет. До его совершеннолетия страной фактически управлял первый советник Люй Бувэй. Именно он возглавил заговор, в котором участвовала и мать Ин Чжэна с любовником; последнему предназначалась роль будущего правителя. Однако Ин Чжэн не растерялся, заговор был жестоко подавлен, активные его участники казнены; Люй Бувэй покончил жизнь самоубийством, четыре тысячи семей, замешанных в заговоре, были отправлены в ссылку. Ин Чжэн получил хороший урок на всю оставшуюся жизнь.

Ин Чжэн был образованным человеком. Он много читал и хорошо знал китайскую философию. Личный опыт заставил его отдать предпочтение легизму, в особенности трудам своего современника Хань Фэйцзы. Прочитав его «Ропот одинокого», Ин Чжэн пришел в восторг. Там говорилось о том, что пережил он сам, о заговорах чиновников и, что главное, о том, как государю обезопасить себя. Чиновники, писал Хань Фэйцзы, делятся на две группы. Первая — это преданные государю, честно исполняющие его указания, следующие закону; на них можно положиться. Вторая — это те чиновники, которые думают только о своей выгоде; Хань Фэйцзы называет их самовластными узурпаторами. Конфликт между этими двумя группами неизбежен. Мудрый государь должен уметь отличать первых от вторых, а это непросто, ведь «редко бывает так, чтобы узурпировавший власть не пользовался бы доверием и любовью государя, который к тому же давно знаком. Доходит до того, что такой человек подлаживается к настроениям государя, поддакивает ему и в хорошем, и в плохом. Используя все это, он и делает карьеру. Должности и звания такого человека почетны и важны, сообщников у него толпы, и все государство воспекает его» [3, с. 230]. Человек честный и сведущий в искусстве управления никогда не льстит государю, он прямо указывает на ошибки и не боится возражать ему. Но таких мало, а узурпаторов много. Они постепенно захватывают власть. «Таким образом, государь теряет силу, а чиновники завладевают государством; государь опускается до положения подчиненного чиновника, а первый министр начинает распоряжаться раздачей чиновничьих верительных бирок. Так чиновники морочат государя ради собственных выгод» [3, с. 231–232]. Они обманывают государя, грабят народ, нарушают законы, сеют смуту. Что же с ними делать? Все, что они творят, является преступлением, заслуживающим смертной казни. Разумеется, молодой правитель, только что совершивший серию казней, читал это с удовольствием.

Цинь Шихуанди провел глубокие реформы, укрепляя свою империю. Кроме всего прочего в заслугу ему ставится создание единой системы законодательства. Он «установил единые обычаи для империи, с этой целью император изъездил очень много мест по воде и по суше» и «уничтожил неясные, сомнительные обычаи и законы шести царств и ввел единое законоположение, повсюду теперь знали, чего нельзя было делать» (цит. по: [2, с. 126]).

Император совершал многочисленные поездки по стране, успешно контролируя ход дел на местах, но это оказалось лишь видимостью успеха. Могущественная на вид держава была обречена. Власть не имела опоры ни среди знати, ни среди народа. На императора несколько раз покушались. В ответ репрессии только усиливались. Так, в одном из случаев император отдал приказ закопать живьем в землю около 500 оппозиционеров-конфуцианцев, выступавших против жестокостей, царивших в стране. Последние годы Цинь Шихуанди прожил в страхе за свою жизнь. Ему построили около 270 дворцов, и в котором из них находился император в данный момент, являлось государственной тайной. Тот, кто знал об этом, приговаривался к смертной казни.

Цинь Шихуанди умер в 210 г. до н.э. Почти сразу же начались восстания. Эрхуанди (Второй верховный государь) не смог их подавить. В 207 г. до н.э. династия Цинь пала, просуществовав всего 14 лет. На смену ей пришла династия Хань, государи которой старались смягчить чрезмерные жестокости императора-легиста. Основной идеологией в стране становится так называемое ханьское конфуцианство, представляющее собой синтез конфуцианских, легистских, даосистских и других доктрин древнего Китая. Центральной фигурой стал чиновник, сочетающий в себе навыки управленца прагматика и конфуцианского моралиста, мудреца, толкующего волю неба.

В первые десятилетия существования Ханьской династии были заложены основы будущего Китайской империи. Вплоть до начала XX в. она существовала в виде централизованного бюрократического государства с неразвитой правовой системой.

Конфуцианство не было застывшей моральной философией. За свою многовековую историю оно подвергалось многочисленным корректировкам в зависимости от потребностей времени. Строго говоря, ли и фа дополняли друг друга, позволяя правящей элите делать упор то на ли, то на фа. Ведь ли, как любая традиционная норма, обращена в прошлое. Сила воздействия Конфуция на сознание китайцев в том, что он описал уже сложившиеся к тому времени традиции, правила, ритуалы, которым подсознательно или сознательно следовало подавляющее большинство населения. Причем сделал это столь гениально, что его рассуждения о добродетельной жизни оказали обратное мощное влияние на всю китайскую культуру. Закон же обращен в будущее. Это способ изменения, реформирования, наконец, это разрыв с традициями, с закостеневшим прошлым. Не случайно сторонники реформ в конце XIX — начале XX в. обратились к наследию Шан Яна, а не Конфуция [4, с. 133–134]. Конфуцианский призыв к всеобщей любви, несомненно, сближает конфуцианство с христианством, а Конфуция с Львом Толстым. Но можно ли управлять обществом, опираясь только на любовь? Конечно, нет. Легисты же требуют устрашения и наказания как основных методов управления. Цинь Шихуанди строил всю свою внутреннюю политику, опираясь на этот принцип. Судьба его

и его империи известна. Впоследствии философы ханьского конфуцианства пытались, и небезуспешно, найти баланс между «любовью и устрашением». Так, Лю Сан писал: «Моральное воздействие — это средство управления, наказание и законы помогают управлению (цит. по: [4, с. 133]). Примечательно здесь то, что законам отводится вспомогательная роль при ведущей роли морали. Кан Си (1662–1722), император династии Цин, сформулировал 16 основных принципов (заповедей) официального конфуцианства:

- 1) уважай больше всего сыновнюю почтительность и братскую покорность, чтобы должным образом поднять общественные отношения;
- 2) обращайся великодушно со всеми родственниками, дабы поддержать дух гармонии и смирения;
- 3) поддерживай мир и согласие с соседями, чтобы предупредить ссоры и тяжбы;
- 4) признавай важность земледелия и шелководства, дабы обеспечить достаточное количество пищи и одежды;
- 5) цени умеренность и экономию, чтобы не допустить расточительства и растраты своих средств;
- 6) высоко ставь школу и учебу, чтобы занятия ученых шли должным образом;
- 7) порицай и изгоняй посторонние учения, чтобы возвысить учение истинное;
- 8) проявляй благопристойность и учтивость, дабы упорядочить нравы и обычаи;
- 9) излагай и объясняй законы, чтобы предостеречь невежд и упрямцев;
- 10) усердно трудись на собственном поприще, чтобы все люди стремились к своей цели;
- 11) поучай сыновей и младших братьев, чтобы удержать их от дурных дел;
- 12) ставь преграду ложным обвинениям, чтобы покровительствовать честным и хорошим людям;
- 13) предостерегай от укрывательства беглецов, чтобы укрыватель не попал под наказание;
- 14) вовремя и полностью плати подати, чтобы с тебя не требовали недоимок;
- 15) группируйся в десятки и сотни, чтобы положить конец воровству и кражам;
- 16) учись подавлять гнев и злобу, чтобы придавать значение личности и жизни (приводится по: [4, с. 129–130]).

По сути, здесь изложены основы существования китайца в обществе, то, что И. А. Гончаров очень точно назвал «обыденной моралью». Конфуцианские моральные нормы (естественно, при их соблюдении) должны привести к бесконфликтному обществу, в котором царят почтительность и покорность, поддерживается дух гармонии и смирения, мир и согласие, между людьми нет ссор и тяжб, все занимаются своим делом, учатся и работают и т. д. На первый взгляд, это утопия; тем не менее данные правила весьма эффективно исполняли регулятивную функцию. Следование им одобрялось и малыми группами, и обществом в целом; их нарушение означало нарушение вселенской гармонии, которая восстанавливалась с помощью закона, т. е. наказанием нарушителя.

Традиционное китайское право не проводило различия между отраслями права. Но с точки зрения европейца наиболее развитыми и реально функционирую-

щими отраслями права были уголовное и административное. Это легко доказать, обратившись к таким правовым памятникам, как «Уголовные установления Тан с разъяснениями» и «Законы Великой династии Мин» [5; 6] (династия Тан — 618–907 гг.; династия Мин — 1368–1644 гг.). Н. П. Свистунова в своем комментарии к законам Великой династии Мин указывает, что издание законов династии Мин было предпринято «отнюдь не из академического интереса, а по сугубо утилитарным соображениям: дать подчиненным чиновникам эффективный инструмент управления народом, с одной стороны, и познакомить подведомственное население с действующим законодательством, прежде всего ради профилактики правонарушений, а также ограничения злоупотреблений административных органов — с другой» [7, с. 42].

Конституционное право, которое и в Европе сложилось довольно поздно, китайской правовой культуре вообще не свойственно. Патернализм отрицает возможность юридической регламентации и тем более ограничения верховной власти. Император, как и все остальные, должен следовать ритуалам (ли); следует он им или нет, решает Небо, сыном которого он является и от которого он получил мандат на власть. Концепция о Мандате Неба, легитимизирующая существующую власть, появилась задолго до нашей эры, еще в эпоху почти мифической династии Джоу. Собственно, Мандат Неба сохранялся до тех пор, пока императору сопутствовал успех. Разумеется, это не означало его полную независимость от высшей бюрократии и не исключало, а даже предполагало возможность переворотов. Представление о том, что власть выше закона, оказалось очень жизнеспособно. Так, в 1954 г. была принята Конституция Китайской Народной Республики. Казалось бы, это шаг к созданию отрасли конституционного права. Но наличие Конституции как литературы не означает наличия конституционного права. «К сожалению, — писал Инако Цунэо, — Конституция не соблюдалась из-за усиления в руководстве КПК пренебрежительного к ней отношения» [8, с. 98]. И в XXI в. сохраняется правило о том, что «в Китае партия — выше закона, в своих решениях судебные органы обязаны в первую очередь руководствоваться интересами государства и КПК и лишь затем законом» [9, с. 99].

Не получило должного развития и гражданское право, которое возможно только при признании формального равенства субъектов отношений, что противоречит принципам китайской традиционной культуры. В Китае не сложились ни сословия аристократии, ни сословия собственников, которые могли бы претендовать на независимость от государства и на какую-то степень индивидуальной свободы. В Европе земельная собственность определяла социальное положение индивида, в Китае же «земледелец был юридически неопределенной фигурой. Это был и собственник земли, и тот, кто обрабатывал не свою землю» [10, с. 12]. Кроме того, в отличие от Европы в Китае «ни из происхождения, ни из личного богатства на законных основаниях не проистекало никаких прав» [10, с. 28]. Аристократия сливалась с бюрократией, где статус и материальное положение каждого зависели от занимаемой должности. В случае ее лишения человек терял и все блага, связанные с ней. Собственно, это свойственно всем тоталитарным государствам.

Незавидным было и положение торговцев в Китае. Торговля считалась недостойным благородного человека занятием, ибо цель торговли — получение барыша, а к этому стремятся низкие люди. Не сложилось в Китае и понятие собствен-

ности, а использовался термин «и» — «иметь». Е. И. Кычанов, стараясь «оправдать» китайцев, ссылается на утверждение И. Б. Новицкого (без указания названия работы и страницы) о том, что даже римляне «не оставили точного определения права собственности» [10, с. 190]. Но все же они оставили нам в наследство классическую систему частного права, чего нельзя сказать о китайцах, у которых споры частного характера считались делом недостойным, гражданские дела — неважным [10, с. 112].

В условиях неразвитости частного права, право воспринимается прежде всего как право уголовное, а уголовное право — как система обязанностей, запретов и наказаний. Право равняется закону, а закон связан с жестокостью и порождает страх перед собой. Суд превращается в репрессивный орган. Известный русский востоковед И. Я. Коростовец писал в конце XIX в.: «Лица компетентные, в смысле знакомства с китайским народом, утверждают, что последний уважает закон, даже несправедливый, и это чувство законности врождено в каждом китайце, на какой бы ступени социальной лестницы он не стоял. Весьма возможно, что этот взгляд справедлив; но не подлежит сомнению, что китаец трепещет перед судом и его представителями, как перед стихийною силою, более страшною, чем голод или наводнение, ежеминутно, без всякого повода с его стороны, готовую уничтожить его жизнь и благосостояние. И китайская Фемида вполне оправдывает внушаемый ею страх, ибо принципы, которыми руководствуется китайское правосудие, не отличаются ни гуманностью, ни возвышенностью. На Западе подсудимого считают невиновным, пока нет налицо явных доказательств его виновности. В глазах китайского суда обвиняемый есть всегда виновный, участь которого предreshена заранее. Девиз правосудия в западных государствах, или, по крайней мере, идеал, к которому там стремятся, — суд скорый гуманный и справедливый, удивил бы судей Поднебесной империи, имеющих понятие лишь о суде медленном и жестоком» [11, с. 134–135]. Через сто лет китайский юрист Ни Чжэнмао напишет: «Добродушный китайский народ вообще мало понимает, в чем состоят его права. Люди стесняются бороться за свои права. Об извинении, компенсации за незаконные действия работников государственных органов никто не помышляет. Поэтому бесконечные обиды и унижения лавиной обрушиваются на невинных людей в следовавших нескончаемой чередой политических кампаниях, которые невозможно было остановить» (цит. по: [12, с. 79]). На первый взгляд, главное здесь — указание на отсутствие у китайского народа правового чувства, но это не совсем так, ведь речь идет о периоде политических кампаний, которые ко времени написания этих строк (1987 г.) давно прекратились, а Китай вступил в полосу экономических реформ. Поэтому данная цитата свидетельствует скорее о возрастающем интересе к праву и осознании важности правового воспитания. Об этом говорил и вдохновитель китайских реформ Дэн Сяопин: «В деле осуществления четырех модернизаций нужно действовать “двумя руками”, одной рукой ничего не сделаешь. Действовать “двумя руками” — это значит одной рукой ухватиться за строительство, другой за законность» [13, с. 172]. Правовое воспитание должно начинаться с детства [13, с. 197].

С начала 1980-х гг. в Китае быстро развивается юридическое образование, открываются юридические вузы практически по всей стране, появляется спрос на правовые исследования [14]. В 1982 г. принимается новая Конституция Китая, кодифицируются основные отрасли права и т. д. Правда, гражданский кодекс до сих

пор не создан. Но с 1987 г. действуют Основные положения гражданского права, кроме того в 1990-е — 2000-е гг. издано несколько десятков фундаментальных законов, касающихся гражданского и экономического (хозяйственного) права.

Нет никакой возможности анализировать все созданные более чем за 30 лет законодательные новеллы в одной статье, поэтому сделаем несколько заключительных замечаний. Прежде всего, фа (закон) перестает ассоциироваться исключительно с запретом и наказанием, осознается его созидательная сила, но при этом не исчезают традиционные китайские ценности. Е. Г. Пащенко, оценивая Основные положения гражданского права (ОПГП), пишет: «Общей особенностью ОПГП стало и то, что в содержании этого закона достаточно ясно ощущается политико-правовой принцип “граждане для закона” (а не наоборот). Этот акт рассматривает граждан и организации как субъекты гражданского права, существующие лишь благодаря их признанию правом и обязанные соблюдать нормы поведения. Следуя подобной логике, ОПГП не содержат развернутых установлений о способах и порядке защиты гражданских прав, не выделяют свое право на защиту как особое гражданское право» [15, с. 47–48]. Сказанное можно отнести практически ко всем современным законодательным актам. Хорошо это или плохо? Это просто констатация факта. Европейский либеральный индивидуализм никогда не найдет себе места в конфуцианской культуре. Вместе с тем потребности развития экономики и общества в целом объективно требуют правового регулирования. Пусть даже с китайской спецификой.

Источники и литература

1. Древнекитайская философия: в 2 т. Т. 1 / сост. Ян Хин-Шун. М.: Мысль, 1972. 184 с.
2. *Переломов Л. С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Наука, 1981. 332 с.
3. Древнекитайская философия: в 2 т. Т. 2 / сост. Ян Хин-Шун. М.: Мысль, 1973. 384 с.
4. *Переломов Л. С.* Политическая культура традиционного Китая // *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4 / под ред. М. Л. Титаренко, Л. С. Переломова, В. Н. Усова, С. М. Аникеевой, А. Е. Лукьянова, А. И. Кобзева.* М.: Восточная литература, 2009. 936 с.
5. Уголовные установления Тан с разъяснениями. Тан люй шу и. Цзюани: в 4 т. / пер. с кит., введение и комментарий В. М. Рыбакова. СПб.: Петербургское востоковедение. Т. 1 (1–8). 1999. 384 с.; Т. 2 (9–16). 2001. 304 с.; Т. 3 (17–25). 2005. 384 с.; Т. 4 (26–30). 2008. 416 с.
6. Законы Великой династии Мин: в 2 ч. / пер., прим. и прил. Н. П. Свистуновой. М.: Восточная литература. Ч. 1. 1997. 573 с.; Ч. 2. 2002. 408 с.
7. Законы Великой династии Мин: в 2 ч. Ч. 1 / пер., прим. и прил. Н. П. Свистуновой. М.: Восточная литература, 1997. 573 с.
8. *Цунэо И.* Политика и право современного Китая 1949–1975 годов. М.: Прогресс, 1978. 396 с.
9. *Троцкий В. П.* Влияние традиций на право современного Китая // *Журнал российского права.* 2014. № 8. С. 94–106.
10. *Кычанов Е. И.* Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). М.: Наука, 1986. 262 с.
11. *Коростовец И. Я.* Китайцы и их цивилизация: Китай и Европа. Государственное устройство Китая. М.: Ленанд, 2015. 282 с.
12. *Куманин Е. В.* Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990. 160 с.
13. *Сяопин Д.* Основные вопросы современного Китая. М.: Политиздат, 1988. 256 с.
14. Юридическая жизнь в Китае / отв. ред. Л. М. Гудошников; пер. с кит. Н. Х. Ахметшиной и др. М.: Юридическая литература, 1990. 376 с.
15. *Пащенко Е. Г.* Экономическая реформа и гражданское право в КНР. М.: Спарк, 1997. 188 с.

References

1. *Drevnekitaiskaia filosofia: v 2 t. T. 1* [*The Ancient Chinese Philosophy: In 2 vols*]. Vol. 1. Compiled by Yan Shun Hing. Moscow, Mysl Publ., 1972. 363 p. (In Russian)
2. Perelomov L. S. *Konfutsianstvo i legizm v politicheskoi istorii Kitaia* [*The Role of Confucianism and Legalism in the Political History of China*]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 332 p. (In Russian)
3. *Drevnekitaiskaia filosofia: v 2 t. T. 2* [*The Ancient Chinese Philosophy: In 2 vols*]. Vol. 2. Compiled by Yan Shun Hing. Moscow, Mysl Publ., 1973. 384 p. (In Russian)
4. Perelomov L. S. *Politicheskaiia kul'tura traditsionnogo Kitaia* [The Political Culture of Traditional China]. *Dukhovnaia kul'tura Kitaia: entsiklopediia: v 5 t. T. 4* [*The Spiritual Culture of China: In 5 vols*]. Vol. 4. Ed. by M. L. Titarenko, L. S. Perelomov, V. N. Usov, S. M. Anikeeva, A. E. Lukyanov, A. I. Kobzev. Moscow, Eastern Literature Publ., 2009. 936 p. (In Russian)
5. *Ugolovnye ustanovleniia Tan s raz'iasneniiami. Tan liui shu i. Tszuani: v 4 t.* [*The Annotated Criminal Provisions of the Tang Dynasty: In 4 vols*]. Transl. from Chinese, introduction and comments by V. M. Rybakov. St. Petersburg, Petersburg Oriental Studies Publ., 1999–2008, vol. 1 (1–8). 1999. 384 p.; vol. 2 (9–16). 2001. 304 p.; vol. 3 (17–25). 2005. 384 p.; vol. 4 (26–30). 2008. 416 p. (In Russian)
6. *Zakony Velikoi dinastii Min: v 2 ch.* [*The Laws of The Great Ming Dynasty: In 2 vols*]. Transl., notes and applications by N. P. Svistunova. Moscow, Eastern Literature Publ., 1997–2002. Part 1. 1997. 574 p.; Part 2. 2002. 408 p. (In Russian)
7. *Zakony Velikoi dinastii Min: v 2 ch.* [*The Laws of The Great Ming Dynasty: In 2 vols*], vol. 1. Transl., notes and applications by N. P. Svistunova. Moscow, Eastern Literature Publ., 1997. 574 p. (In Russian)
8. Tsuneo I. *Politika i pravo sovremennogo Kitaia 1949–1975 godov* [*Politics and Law in Modern China, 1949–1975*]. Moscow, Progress Publ., 1978. 396 p. (In Russian)
9. Troshchinskii V. P. Vliianie traditsii na pravo sovremennogo Kitaia [The Impact of Traditions on the Law of Modern China]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [*Journal Russian Law*], 2014, no. 8, pp. 94–106. (In Russian)
10. Kychanov E. I. *Osnovy srednevekovogo kitaiskogo prava (VII–XIII vv.)* [*The Foundations of the Medieval Chinese Law (7th–13th cent.)*]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 262 p. (In Russian)
11. Korostovets I. Ia. *Kitaitsy i ikh tsivilizatsiia: Kitai i Evropa. Gosudarstvennoe ustroistvo Kitaia* [*The Chinese and their Civilization: China and Europe. The Chinese State Structure*]. Moscow, Lenand Publ., 2015. 282 p. (In Russian)
12. Kumanin E. V. *Iuridicheskaiia politika i pravovaia sistema Kitaiskoi Narodnoi Respubliki* [*The Juridical Policy and the Legal System of the People's Republic of China*]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 160 p. (In Russian)
13. Siaopin D. *Osnovnye voprosy sovremennogo Kitaia* [*The Essential Issues of Modern China*]. Moscow, Politizdat Publ., 1988. 256 p. (In Russian)
14. *Iuridicheskaiia zhizn' v Kitae* [*The Juridical Life of China*]. Ed. by L. M. Gudoshnikov; transl. from Chinese by N. H. Ahmetshina et al. Moscow, Iuridicheskaiia Literatura Publ., 1990. 376 p. (In Russian)
15. Pashchenko E. G. *Ekonomicheskaiia reforma i grazhdanskoe pravo v KNR* [*The Economic Reform and the Civil Law in the PRC*]. Moscow, Spark Publ., 1997. 188 p. (In Russian)

For citation: Kozlikhin I. Y. The Chinese legal tradition. *Vestnik SPbSU. Ser. 14. Law*, 2016, issue 3, pp. 4–13. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2016.301

Статья поступила в редакцию 5 мая 2016 г.,
рекомендована в печать 20 июня 2016 г.